

## **СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: РЕФЛЕКСИВНОСТЬ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПОНЯТИЙНЫЕ СТРУКТУРЫ<sup>12</sup>**

*Д.В.Ушаков,  
Институт психологии РАН*

В классической философии существует многократно сформулированный принцип, согласно которому рациональным может быть только мышление, осознающее свои основания. Относительно недавно в отечественной философии этот принцип высказывался М.К.Мамардашвили (М.К.Ма-мардашвили, 1994). Классическая же его реализация осуществлена еще И.Кантом, введенным понятием трансцендентального единства апперцепции (И.Кант, 1994, с 100).

В психологии применительно к экспериментальным данным этот принцип эксплицитно не применялся, хотя, как мы постараемся показать ниже, он позволяет по-новому взглянуть на ряд феноменов, особенно связанных с социальным мышлением. Многократно зафиксированная экспериментально иррациональность социального мышления является следствием мощного влияния аффектов, которое обычно ускользает из-под контроля познающего субъекта. Социальное мышление в связи с большой значимостью его результатов имеет особую аффективную значимость, хотя даже решение шахматных задач или задачи о соединении четырех точек тремя линиями, как показывают исследования (А.В.Брушлинский, 1979; Я.А.Пономарев, 1976; О.К.Тихомиров, 1984), не обходятся без развития аффективных состояний.

Прежде чем перейти к дальнейшему введем одно уточнение по поводу того, что мы будем понимать под социальным мышлением. Это понятие включает разные пласты содержания в зависимости от того, относится ли социальность к предмету мышления или к его субъекту. В англоязычной литературе принят термин “interpersonal intelligence” - межличностный интеллект (или мышление, что в данном случае почти то же самое), способность понимать другого человека, предсказывать его поведение. Дру-

---

<sup>12</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, грант № 96-03-04290.

гими словами, это мышление, направленное на других людей, социальное в плане своего предмета. Дополнением к термину “межличностный интеллект” является интеллект “внутриличностный” (interpersonal intelligence), направленный на самого себя, свои чувства, мысли, переживания, способности и т.д. Внутриличностное мышление явно не является социальным в плане своего предмета, однако по своим механизмам оно очень близко к межличностному. Эти два термина сближаются даже теми авторами, которые, как М.Гарднер, выделяют внутриличностное и межличностное мышление в отдельные способности.

Мышление, социальное в плане субъекта, может быть направлено на любые предметы, порождая “социальные представления” (Э.Дюркгейм). Мышление в этом смысле оказывается социальным постольку, поскольку мыслящие люди выступают как члены тех или иных социальных групп. Вклад в исследование социального мышления в этом смысле внесли С.Московичи (С.Московичи и др., 1994) и К.А.Абульханова-Славская (К.А.Абульханова-Славская, 1994).

В психологии мышления всегда особый упор делался на изучение ошибок, что дало повод одному из последователей Б.Рассела сказать, что “логик интересуется истинными мыслями, тогда как психолог находит удовольствие в том, чтобы описывать мысли ложные” (цит. по Ж.Пиаже, 1969, с 78). Это действительно в значительной мере верно и объяснимо - именно сбой наиболее информативны в плане работы механизма. В отношении социального мышления это имеет особый смысл. Ниже мы попробуем разобрать ряд известных феноменов социального мышления, которые собственно потому и являются феноменами, что обнаруживают некоторую систематическую ошибку, подобную иллюзиям восприятия, но происходящую в сфере абстрактного мышления.

Со времен исследований М.Шерифа (M.Sherif, 1967) известны феномены ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации. Х.Теджфел (H.Tajfel, 1978) и Дж.Тэрнер (Дж.Тэрнер, 1994) показали, что эти феномены возникают даже при отсутствии каких-либо реальных противоречий между группами, в ситуации чисто условного разделения, так называемой “минимальной группы”. Он связал эти феномены со стремлением субъекта поддерживать высокую самооценку путем повышения оценки группы, к которой субъект принадлежит. Получается, таким об-

разом, что искажения в оценках своей и чужой групп связаны с особыми отношениями, складывающимися вокруг структуры Я, и влиянием, оказываемым этими отношениями на мышление. Аналогичные явления характеризуют также и когнитивный диссонанс, изучавшийся Л.Фестингером.

Если иллюзии социального мышления порождены неконтролируемым вторжением желаний в сферу мысли, то, может быть, не будет несправедливым сказать, что эти иллюзии связаны с недостаточной интенсивностью нашего “взгляда внутрь”. Таким образом, выступает взаимосвязь между социальным и внутриличностным познанием. Возникает вопрос - возможно ли избавление от иллюзий социального познания путем осознания? Другими словами, может ли познание себя избавить нас от иллюзий в сфере социального познания, подобно тому как оно (познание себя) составляет часть психотерапевтического процесса в психоанализе? Экспериментальный ответ на этот вопрос мы постараемся дать в нашей следующей работе. Здесь же затронем вопрос о “внутриличностном интеллекте”, о том, почему с таким колоссальным трудом нам даются знания о казалось бы наиболее известном нам предмете - нас самих.

Хотя интроспекция использовалась в психологии как научный метод, однако практически ничего неизвестно о том, какие механизмы люди используют, чтобы узнать о своих чувствах или состояниях. Слово интроспекция по своей этимологии подталкивает нас к интерпретации этого процесса в терминах непосредственного восприятия, “смотрения внутрь”. На практике, однако, потребовался недюжинный ум З.Фрейда и многие годы работы, чтобы “воспринять” тайные желания, остававшиеся неизвестными людям на протяжении тысячелетий. Нам далеко не всегда удастся просто заглянуть в себя и сказать, допустим: “Я ревную”. Процесс познания себя больше похож на мышление, чем на восприятие, если под мышлением понимать опосредованное познание, то есть такое, при котором по ряду непосредственно данных признаков мы что-то умозаключаем о других, нам непосредственно не данных. Здесь возникает ряд вопросов. В чем состоят “непосредственно данные” и “неданные” признаки в случае познания внутренних состояний? В чем заключается сама “данность”? Данность кому, не гомункулосу же?

Существует несколько групп аргументов для ответа на эти вопросы. Первая группа связана с эмпирическими данными по

развитию осознания у детей. Вторая - с логическими предположениями о природе познаваемых объектов.

Возьмем два примера. Ж.Пиаже еще очень давно заметил, что дети до 10 лет, решив, например, арифметическую задачу, не могут объяснить, как они ее решили. На вопрос “Как ты это нашел?” ребенок или не может воспроизвести ход своих мыслей или изобретает фантастическое объяснение. Например, семилетнего Венга спрашивают, сколько метров будет в столе, который в 3 раза длиннее стола длиной 4 метра. Венг отвечает: “12 метров. - Как ты сделал? - Я прибавил 2 и 2 и 2 и 2 и 2, все 2. - Почему 2? - Для того, чтобы составилось 12. - Почему ты взял 2? - Для того, чтобы не взять другого числа.”(Пиаже, 1932, с.327)

По Ж.Пиаже получается так, как будто ребенок сознает исходный и конечный пункты рассуждения, но не свой путь между ними. При просьбе объяснить этот путь, он дает объяснение наобум.

Другой пример - в работе, выполненной в нашей исследовательской группе Н.Д.Былкиной и Д.В.Люсиным, дети должны были оценить эмоции, которые испытывает герой небольшого рассказа (см. статью “Развитие когнитивных схем эмоций” в настоящем издании). Одно из наблюдений состояло в том, что дети в возрасте до 5 лет вместо описания эмоции описывали порождающую эту эмоцию ситуацию, например: “Чувствует, что над ним смеются”. Как пишут авторы, в этом возрасте “эмоция сливается с воздействием, ее вызывающим”. Здесь опять есть осознание внешнего воздействия, ситуации, но не внутреннего состояния, этим воздействием вызываемого.

Чтобы перейти от этих эмпирических фактов к проблеме непосредственно данных нам состояний, факты следует дополнить двумя логическими предположениями. Первое предположение состоит в том, что развитие детской мысли идет от непосредственно данного к гипотетическим конструктам. Это предположение очень естественно и общепринято, фактически Ж.Пиаже строил на нем свою генетическую эпистемологию. Второе предположение несколько более гипотетично. Оно заключается в том, что то, что является непосредственно данным для взрослого, является им и для ребенка, и наоборот.

Если принять приведенные посылки, то из них вытекает следующая модель процессов, с помощью которых мы познаем себя. Нам непосредственно дано, то есть запечатлевается в памяти и

может стать содержанием нашего мышления, лишь то, что связано с нашим взаимодействием с внешним миром: ситуация, как мы ее себе представляем, и наш ответ на эту ситуацию, будь то в виде внешнего действия или намерения. Такое свойство легко объяснимо с эволюционной точки зрения - мы отбирались по признаку способности действовать во внешнем мире, а не изучать себя. Получается, что нам даны вход и выход нашего психологического механизма, между которыми находится черный ящик, свойства которого (т.е. наши установки, отношения к другим людям, мотивы и т.д.) доступны нам лишь опосредованно. Безусловно, мы непосредственно знаем о себе больше, чем о других людях, - нам даны наши намерения. Однако о себе мы в большей степени склонны заблуждаться, поскольку предмет мышления оказывается часто слишком уж безразличным.

Познание черного ящика, идущее часто вопреки нашим желаниям, есть определенная часть человеческой культуры, развивающейся с историей человечества. Другими словами, это познание осуществляется благодаря культурным способам, так же как и познание математическое, физическое, гуманитарное и т.д. Оно предполагает и некоторые знания, в данном случае “метакогнитивного” характера. Так, метакогнитивным является христианское представление об исходной греховности человеческой природы и Божественной благодати, дающей надежду на спасение. Это представление определило христианский способ анализа чувств и состояний, как например в “Исповеди” блаженного Августина.

Если верно сказанное о наличии непосредственно данных и конструируемых интеллектом знаний о нашей душевной жизни, то можно выявить различные способы, которыми мы узнаем о себе. Эти способы, подобно способам познания физической, химической и др. реальности, могут включать экспериментирование, индукцию, дедуктивный вывод и т.д. Ниже мы предпримем попытку описать один из способов, к которому люди прибегают, чтобы понять свои состояния. Задача будет заключаться в том, чтобы выяснить, какие данные люди при этом используют, на чем основывают индукцию, происходит ли нечто подобное внутреннему эксперименту. Задача эта очень новая, поэтому научной психологией в этой области может быть пока предложен лишь приближительный и частный подход. Зато в художественной литературе “психологического” характера есть множество описа-

ний, которые могли бы послужить материалом для анализа, откуда мы и возьмем несколько примеров. Примеры, которыми мы воспользуемся, относятся к “исповедальной” литературе в том плане, что герой в них вспоминает и анализирует свои прошлые чувства, желания, мысли. Чувства и мысли не только вспоминаются, но и анализируются, т.е. в них выявляется нечто новое, то что не было дано человеку в сам момент переживания. Примеры взяты почти наугад, подобных им можно найти десятки. Первый пример - из “Исповеди” Л.Н.Толстого: описывается жизнь в писательском сообществе.

*“Ужасно странно, но теперь мне понятно. Настоящим душевным рассуждением нашим было то, что мы хотим как можно больше получать денег и похвал. Для достижения этой цели мы ничего другого не умели делать, как только писать книжки и газеты. Мы это и делали. Но для того чтобы нам делать столь бесполезное дело и иметь уверенность, что мы - очень важные люди, нам надо было еще рассуждение, которое бы оправдывало нашу деятельность. И вот было придумано следующее...”*

Второй пример - тоже из Л.Н.Толстого. Это описание похорон татапа Николеньки из “Детства”.

*“Прежде и после погребения я не переставал плакать и был грустен, но мне совестно вспомнить эту грусть, потому что к ней всегда примешивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желание показать, что я огорчен больше всех, то заботы о действии, которое я произвожу на других, то бесцельное любопытство, которое заставляло делать наблюдения над чепцом Мими и лицами присутствующих.”*

Оба случая представляют собой примеры мышления (неважно истинного или ложного), идущего от непосредственно данного к выводам. Можно выдвинуть несколько тезисов, описывающих способ, которым наша мысль действует при таком осознании.

• Чувства и отношения даны людям лишь применительно к конкретной ситуации. Причем в ситуациях, включающих в себя различные и разнородные элементы, неясно, с какими именно элементами связаны те или иные эмоции. Например, Николенька, плачущий на похоронах, непосредственно не знает причин, побуждающих его плакать. Л.Н.Толстой в начале своей карьеры получал от писательского труда удовольствие, причины которого ему стали ясны позднее.

•Если наши чувства даны нам только в отношении ситуаций, то как же все-таки нам удастся в конце концов выявить их инварианты? Единственно логически возможным ответом представляется то, что мы способны к мысленному экспериментированию, мысленному варьированию ситуаций, фиксируя при этом испытываемые чувства. Подобно тому как, сгибая в разных местах испорченный провод, мы добиваемся момента, когда загорится лампочка, так же и мысленно преобразуя ситуацию и следя за нашими чувствами, мы выявляем причину нашего собственного эмоционального состояния. Познание внутренних состояний в этом смысле является столь же опосредованным, как и познание внешнего мира.

•Мысленное варьирование ситуаций логически точно соответствует операциям внешнего экспериментирования и, следовательно, предполагает наличие структуры понятийного гипотетико-дедуктивного мышления. Используя пиажеанские термины, можно сказать, что оно предполагает формальные операции, так же как и комбинаторные задачи типа экспериментирования с перемешиванием жидкостей. Следовательно, можно предположить, что такой способ осознания чувств не может возникнуть раньше 12, даже 15 лет.

•Метод варьирования ситуаций приводит к выработке понятий, описывающих наши чувства и отношения, но задаваемых их объемом. Последующая мыслительная работа заключается в их интерпретации, т.е. сообщении им содержания, “экстенционала”, используя логический термин. Такой интерпретацией, например, является нахождение термина “самолюбивые чувства” в отношении Николеньки или выявление “желания денег и похвал” в отношении писательской среды.

Приведенные выше контуры модели, описывающей наши методы познания самих себя, достаточно определены, чтобы позволить понять, почему это познание требует мыслительной работы, а не является непосредственным “усмотрением”. Остается, правда, вопрос, почему это познание оказывается очевидно более трудным, чем аналогичное ему со структурной точки зрения познание внешнего мира. Представляется, что это обусловлено тремя основными причинами.

Во-первых, хотя метод варьирования является по существу рациональным, все же внутренний характер экспериментирования делает весьма хрупким согласие людей по его поводу.

Во-вторых, дополнительные проблемы понятным образом возникают, когда объективные результаты познания оказываются в противоречии с нашими интересами. Появление психоанализа в этих условиях выглядит почти чудом, хотя и может быть объяснено интенсивной тренировкой научного мышления Нового Времени в объективном познании неживой природы. В результате принцип интеллектуальной точности и честности перевесил самолюбие.

В-третьих, трудность познания себя связана с прагматической ориентацией нашего познания. Мышление (в том числе социальное) в первую очередь предназначено для того, чтобы обеспечить нам возможность жить в мире, а не для того, чтобы беспристрастно познавать его. Структура обыденных понятий, описывающих наше когнитивное и аффективное функционирование и тем самым необходимых для осознания и искоренения искажающих наше познание феноменов, исходно, как представляется, формируется не для целей осознания, а в совсем ином контексте. Система понятий хранит на себе следы тех ситуаций, для ориентации в которых они были выработаны. Ж.Верньо для математических понятий описал “концептуальные поля” ситуаций-задач, в решении которых развились эти понятия (Ж.Верньо, 1995). Подходя с этой точки зрения к понятиям, описывающим функционирование нашего психического аппарата, следует составить перечень ситуаций, в которых они используются. Эти ситуации, конечно, не являются ни одинаковыми у всех людей, ни неизменными на протяжении жизненного пути. Однако приблизительный анализ выявляет 3 основные группы ситуаций: ситуации морального оправдания, в которых мы должны оправдывать свои поступки или поступки других людей, или же, наоборот, осуждать их; ситуации объяснения или предсказания поведения других людей; ситуации, где мы стремимся познать самих себя. Если две последние группы ситуаций предполагают эмпирическую верификацию применяемых понятий, то в ситуациях первой, и наиболее распространенной, группы мы нуждаемся в понятиях, дающих наибольший риторический эффект. В связи с этим в ситуациях первого типа мы вырабатываем не те структуры понятий о себе, которые могли бы способствовать адекватному осознанию нашего ментального функционирования, а те, что соответствуют правдоподобным речевым формам. В феномене демагогии в наиболее

ясном виде проявляется расхождение между планами речевой убедительности и адекватного мышления.

С нашей точки зрения, речевая убедительность связана с использованием категориальной сети, задаваемой словами естественного языка. Однако весьма часто задаваемое естественным словом понятие оказывается недостаточно точным для описания объекта. В этом случае язык, как и другие средства символизации, начинает выступать в качестве инертной силы, препятствующей разворачиванию мысли из-за сверхгенерализации. Этим моментом инерции и пользуется демагогия.

Мышление, подчиняющееся требованию эмпирической верифицируемости, стремится уйти из-под власти слов, в том числе слов русского, английского, французского и т.д. языков, обозначающих эмоции, чувства и другие психические состояния. Мышление, предназначенное для морального оправдания, наоборот, старается в максимальной степени воспользоваться их убеждающей силой.

В заключение этого раздела - еще несколько слов о другой стороне связи социального (точнее, межличностного) и внутриличностного познания. Воспользовавшись введенным ранее понятием непосредственно данных нам знаний о себе и противопоставив их знаниям, получаемым о внешнем мире, можно предположить, что межличностное познание в принципе осуществляется двумя основными способами. Во-первых, мы можем познавать других людей как внешние предметы, по их поведению в тех или иных ситуациях, т.е. способом, так сказать, житейского бихевиоризма. Во-вторых, мы познаем "вчувствованием", т.е., мысленно поставив себя в ситуацию другого человека, испытать его чувства, мысли и побуждения к действию, а затем по способу, близкому описанному выше применительно к анализу наших собственных состояний, осознать эти чувства, побуждения и т.д. По-видимому, люди используют оба способа. Однако очевидно, что наши понятия о себе богаче, чем о других, поскольку мы можем осознать наши переживания, недоступные нам в других людях. Перенос на других понятий, выработанных в процессе самопознания, может, таким образом, существенно обогатить межличностное познание. Следовательно, марксистское положение о человеке Петре, смотрящемся в человека Павла, в данном контексте является сомнительным. Об этом же говорят и эмпирические данные - феномены проекции и переноса. Проективные тес-

ты были бы невозможны, если бы, думая о других людях, мы не ставили себя на их место и не вкладывали в них наших чувств и желаний.

\* \* \*

На основе вышеприведенных рассуждений нами был сформулирован проект исследования процессов мышления в психотерапии, поддержанный грантом РГНФ № 96-03-04290. Психотерапия, как и “психологическая” художественная литература, и в отличие от экспериментальной психологии, является областью, где мы постоянно сталкиваемся с задачами по познанию себя и других людей. В основе проекта лежат две главные идеи. Во-первых, процесс психотерапии включает в качестве важнейшего компонента познание клиентом самого себя. Психотерапевт оказывает в этом клиенту помощь, тоже участвует в познавательном процессе. Другими словами, в процессе психотерапии присутствует серия задач на познание чувств, переживаний, состояний, отношений и т.д., которые совместно ставятся и в благоприятном случае разрешаются клиентом и психотерапевтом. Исследуя протоколы психотерапевтических сеансов, мы можем подтвердить или опровергнуть нашу модель познания людьми самих себя. Во-вторых, психотерапевт может рассматриваться как специалист, эксперт по межличностному и внутриличностному познанию. Можно, следовательно, применив экспериментальную схему “эксперт - новичок”, исследовать эти виды познания с точки зрения способностей и мыслительных возможностей, выраженных у экспертов в этом познании.

Схема “эксперт - новичок” впервые была применена А.Ньюэллом и Г.Саймоном в исследовании мышления шахматиста. А.Ньюэлл и Г.Саймон предъявляли шахматным экспертам (мастерам) и новичкам на небольшие промежутки времени шахматные позиции, случившиеся в реальных партиях, а также случайные наборы фигур. Они регистрировали как общее число правильно воспроизведенных позиций фигур, так и порядок их воспроизведения. Основной вывод состоял в том, что шахматные эксперты имеют в памяти очень большое количество (около 10 000 у мастера) типовых конфигураций, которые позволяют им быстро и эффективно структурировать новые позиции, возникающие во время игры. После этих классических работ было выполнено множество исследований, в которых изучались структу-

ры знаний экспертов в различных областях - от рентгенологии до советологии.

Изучение мыслительных возможностей психотерапевтов как специалистов по внутриличностному и межличностному познанию проводится в рамках проекта по нескольким направлениям. Структура знаний об эмоциях изучается Д.В.Люсиным. Им в ряде экспериментов получены нормативные данные, которые характеризуют репрезентации эмоций на выборке московских студентов и будут сопоставлены с соответствующими показателями психотерапевтов (см. статью “Организация знаний об эмоциях: внутренняя структура категории эмоция” в настоящем сборнике).

Т.И.Семеновой разработана и опробована на группах психотерапевтов и людей, не имеющих отношения к психотерапии, специальная методика, предназначенная для выявления способности понимания психических состояний людей по текстовым описаниям. Сущность методики заключается в следующем. Испытуемым на определенное время предъявляется письменный текст, содержащий описание сложной психологической ситуации или последовательности развивающихся событий. Затем испытуемым дают список утверждений и просят указать, соответствуют ли эти утверждения содержанию текста. Ниже приводится один из использовавшихся текстов - отрывок из романа Ф.М.Достоевского.

*Мне показалось с первого взгляда, что оба они, и господин и дама - люди порядочные, но доведенные бедностью до того униженного состояния, в котором беспорядок одолевает, наконец, всякую попытку бороться с ним и даже доводит до горькой потребности находить в самом беспорядке этом, каждый день увеличивающемся, какое-то горькое и как будто мстительное ощущение удовольствия.*

*Когда я вошел, господин этот, тоже только что предо мною вошедший и развертывавший свои припасы, о чем-то быстро и горячо переговаривался с женой: та хоть и не кончила еще пеленания, но уже успела занюхать: известия должно быть, скверные, по обыкновению. Лицо этого господина, которому было лет двадцать восемь на вид, смуглое и сухое, обрамленное черными бакенбардами, с выбритым до лоску подбородком, показалось мне довольно приличным и даже приятным: оно было урюмо, с урюмым взглядом, но с каким-то болезненным*

*оттенком гордости, слишком легко раздражающейся. Когда я вошел, произошла странная сцена.*

*Есть люди, которые в своей раздражительной обидчивости находят чрезвычайное наслаждение, и особенно когда она в них доходит (что случается всегда очень быстро) до последнего предела : в это мгновение им даже, кажется, приятнее быть обиженными, чем не обиженными. Эти раздражающиеся всегда потом ужасно мучатся раскаянием, если они умны, разумеется, и в состоянии сообразить, что разгорячились в десять раз более, чем следовало. Господин этот некоторое время смотрел на меня с изумлением, а жена с испугом, как будто в том была страшная диковина, что и к ним кто-нибудь мог войти: но вдруг он набросился на меня чуть не с бешенством, я не успел еще пробормотать двух слов, а он особенно видя, что я одет порядочно, почел, должно быть, себя страшно обиженным тем, что я осмелился так бесцеремонно заглянуть в его угол и увидеть всю безобразную обстановку, которой он сам так стыдился. Конечно, он обрадовался случаю сорвать хоть на ком-нибудь свою злость на все свои неудачи. Одну минуту я даже думал, что он бросится в драку: он побледнел, точно в женской истерике, и ужасно испугал жену.*

В списке предъявлявшихся утверждений половина соответствовала содержанию отрывка, а половина состояла из дистрактивов. Вот примеры утверждений для приведенного выше текста.

● *Господин и дама были людьми, отчаявшимися сопротивляться жизненным невзгодам,*

● *Господин получал мстительное удовольствие от того, что чувствовал себя виноватым.*

Первое утверждение действительно соответствует тексту Ф.М.Достоевского, в то время как второе искажает его - в оригинале господин раскаивается и страдает от чувства вины.

Всего методика включает 4 текста, 3 из которых представляют собой отрывки из романов Ф.М.Достоевского, а 1 - из современного зарубежного детектива. Два текста Ф.М.Достоевского содержат описания сложных психологических состояний (как в приведенном выше отрывке). Третий текст Ф.М.Достоевского и детективный отрывок включают описания развертывания внешних событий без серьезных отсылок к психологическому состоянию персонажей.

Предполагается, что наличие хорошо организованных и разработанных представлений о психических состояниях других людей должно позволить обладателям этих представлений быстро и точно понимать эти состояния, описываемые в тексте. Наличие событийных единиц направлено на то, чтобы выделить фактор общего понимания текстов и отделить его от фактора, связанного с пониманием именно психологических единиц.

Обработка полученных результатов основывается на теории обнаружения сигналов. Дистрактор интерпретируется как шум, правильное утверждение - как сигнал + шум. Положительный ответ в случае дистрактора понимается как ложная тревога, отрицательный ответ в случае правильного утверждения - как пропуск сигнала. На основе этих допущений могут быть вычислены два параметра: чувствительность ( $d'$ ) и критерий принятия решения, который в данном случае может интерпретироваться как склонность испытуемого давать положительные или, наоборот, отрицательные ответы.

Т.И.Семенова испытала методику на выборке из психотерапевтов и контрольной выборке, состоявшей из лиц с высшим образованием, не имевших никакого отношения к психотерапии. Ее первые результаты оказались парадоксальными. Психотерапевты не только не превосходили контрольную группу по параметру "чувствительности" в отношении психологических единиц, но даже значимо уступали ей. В то же время они показали значимо более высокие результаты по событийным единицам. Смысл этих результатов еще предстоит уточнить. Возможно, психотерапевты действительно не располагают структурами знания, которые позволили бы им быстрее понимать тексты с описанием психологических ситуаций. Может быть, они склонны не просто понимать исходный текст, а переинтерпретировать его. Наконец, дело могло быть в каких-либо неконтролируемых факторах проведения эксперимента. Во всех случаях окончательное выяснение вопроса требует дальнейших экспериментальных исследований.

**Литература**

Абульханова-Славская К.А.. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования. “Психологический журнал”, 1994, №4 , с. 39-55

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.

Верньо Ж. К интегративной теории представлений. “Иностранная психология”, 1995, №5, с. 9-18.

Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994

Московичи С., Мюньи Г., Перес Х.А. Влияние меньшинства. “Иностранная психология”, 1994, №4, с 18 - 24.

Пиаже Ж.. Речь и мышление ребенка. М., 1932.

Пиаже Ж.. Избранные психологические труды. М., 1969

Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Тэрнер Дж.С., Оукс П.Дж., Хэслем С.А., Дэвис В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа. “Иностранная психология”, № 4, 1994, с 8 - 17.

Scherif, M. (1967) Group conflict and co-operation: Their social psychology. London.

Tajfel, H. (1978) (Ed.) Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. London.